

Книга первая
КРОВЬ НЕ ВРЁТ

БЕРЕТ
ДВУХ
СОЛНЦ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Макс Серов

Берег двух солнц

- кровь не врет

<https://litres.ru/73909356>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Берег двух солнц: Кровь не врёт» — историческое фэнтези, где документальная точность эпохи Османской империи переплетается с драмой личного выбора и силой знания.

Вера Соколова, студентка-медик из Петербурга, падает в временную воронку среди руин Эфеса и оказывается в 1521 году — в год восшествия Сулеймана Великолепного. Её знания медицины кажутся чудом, акцент выдает чужестранку, а память о будущем делает её оружием, за которое борются купцы, венецианские агенты и сам визирь.

На страницах романа оживает мир Смирны и Белградского похода: шумные базары, армейские марши, осады и тайные переговоры. Веру ожидает дилемма врача — спасти жизни, даже если это враги, и дилемма человека — хранить правду или использовать её ради выживания.

Это история о цене знания и силе идентичности, любви и предательстве, о том, как одна женщина из 21 века может изменить судьбы людей 16 века, но не ход самой истории.

Финал первой книги — открытый: Вера отплывает к Родосу — её путь только начинается.

Содержание

Глава	5
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	14
ГЛАВА ВТОРАЯ	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Берег двух солнц - кровь не врет

Глава

* * *

ПРОЛОГ

Эфес не прощает

Древние строили на разломах намеренно.

— Из путеводителя по Эфесу, изд. 2019

* * *

Охранник прошёл в трёх метрах от неё.

Вера стояла за колонной и не дышала. Не потому что боялась — охранник был пожилой, усталый, явно думал о том, что будет на ужин, и фонарик его описывал ленивые дуги где угодно, только не там, где она стояла. Просто если задержать дыхание, то слышнее. А слышнее — значит безопаснее.

Шаги удалились. Скрипнула дверь где-то в стороне административного корпуса. Охранник ушёл.

Вера выдохнула. Поправила ляжку рюкзака — в нём лежали вода, зарядник, ключ от комнаты 303 в общежитии, который она так и не сдала на вахту перед отъездом, и медицинский атлас по анатомии, без которого она не выходила из дома ещё с первого курса. Суеверие, говорила ей мать. Талисман, говорила Вера.

Солнце уже почти касалось горизонта. У неё было минут двадцать, пока не потемнеет по-настоящему.

Она пошла к Библиотеке Цельса.

Эфес в восемь вечера — это совсем другое место, чем

Эфес в полдень.

Днём он был туристическим: автобусы, экскурсоводы с флажками, немецкие пенсионеры в шляпах и японские школьники с профессиональными объективами. Мраморные плиты под ногами были стёрты до зеркального блеска — двадцать веков ног плюс сто лет туризма.

Сейчас — это была тишина. Только цикады, которым было совершенно всё равно, что территория закрыта, и далёкий звук трассы, которая где-то за холмами превращалась в шоссе на Измир.

Вера шла и думала, что именно так оно, наверное, и выглядело раньше. Когда здесь жили. Когда это был город, а не руины.

Не совсем так, — поправила она сама себя. — Тогда было намного шумнее. Сто тысяч человек в хорошие времена. Рынок, порт, запах рыбы и горячего хлеба.

Порт давно стал сушей — залив обмелел ещё в поздней античности, река нанесла ил, а море ушло на несколько километров. Теперь на месте гавани были огороды.

Вера знала об Эфесе слишком много для своего возраста и слишком мало для того, чтобы это было профессией. Историческое хобби — так она это называла. Мать говорила: ты читаешь про мёртвых, чтобы не разговаривать с живыми. Вера не спорила. Мать, как правило, была права.

Библиотека Цельса стояла в конце главной улицы, и свет

от заката бил в неё точно в лицо.

Два этажа фасада — восстановленного, конечно, австрийскими архитекторами в семидесятые, но восстановленного очень хорошо. Четыре ниши со статуями: Мудрость, Знание, Добродетель и Разум. Греческие имена, римское строительство, турецкая земля. Нормальная средиземноморская многослойность. Здесь это во всем.

Вера достала телефон. Батарея — восемь процентов.

Хватит на пару снимков. Потом — пешком до трассы, там будет сигнал, можно вызвать такси.

Она сделала три фотографии. Посмотрела на экран. На снимках свет был слишком жёлтым и тени слишком резкими — телефонная камера не умела так фиксировать закаты, как умел человеческий глаз. Она убрала телефон и просто смотрела.

Позолоченный камень. Тёмные провалы окон за колоннадой. Ласточки, которые чертили над фасадом быстрые петли — ловили насекомых, которых не было видно с земли.

Ради этого стоило спрятаться от охранника. Ради этого вообще стоило сюда ехать.

Она простояла так несколько минут. Потом солнце зашло за холм — не за горизонт, просто за холм, но золото сразу стало серым, и Эфес сделался просто старыми камнями.

Вера повернулась и пошла обратно. Другой дорогой — не по главной улице, а в обход, через нижний Одеон.

* * *

Одеон был маленьким — театр человек на полторы тысячи, не то что огромный амфитеатр наверху.

Его реставрировали меньше, чем Библиотеку. Ряды сидений частично сохранились, частично угадывались по ступеням в склоне холма. Сцена была расчищена, но не восстановлена.

За сценой начинался технический проход — настоящий, не музейный, огороженный низкой верёвкой с табличкой на турецком. Вера прочитала её, не останавливаясь: что-то про строительные работы и просьбу не заходить.

Строительные работы, судя по пыли на табличке, закончились года три назад.

Она перешагнула верёвку.

За сценой обнаружилась ниша в склоне холма. Не природная — а выложенная камнем, с невысоким сводом. Что-то складское, техническое. В таких нишах в римских городах хранили реквизит, инструменты, декорации. Потом — что придётся.

Ниша уходила вглубь холма метра на четыре, потом поворачивала. Вера включила фонарик на телефоне — семь процентов батареи, ещё на немного хватит, если экономить, — подумала она — и прошла до поворота.

За поворотом был коридор.

Настоящий, длинный, сужающийся в темноту. Стены — старый камень, не реставрированный. Пол — плиты, некоторые треснувшие, одна явно сдвинутая с места — видны

были края, где плита лежала раньше, светлее общего потемневшего камня.

Вера посветила вперёд. Коридор шёл вглубь холма метров на двадцать, может больше — луч телефона не добивал до конца.

Скорее всего, служебный ход под сценой. Театральная механика. Или просто склад.

Она сделала несколько шагов вперёд.

Воздух в коридоре был другим — плотным, чуть влажным, с запахом камня и чего-то ещё. Чего-то, что она не могла назвать, но что почему-то казалось знакомым. Не неприятным — просто очень старым.

Под ногами хрустнула мелкая щебёнка. Потом — тишина.

Вера остановилась перед плитой, которая выглядела не так, как остальные.

Плита была темнее соседних. Чуть крупнее. И на ней было что-то написано.

Не высечено — именно написано, тёмным по тёмному, так что видно было только под углом, когда свет фонарика падал наискосок. Греческий. Старый — не современный, не византийский даже, что-то архаичное, с буквами, которые Вера видела только в учебниках.

Она присела на корточки. Поднесла телефон ближе.

Каппа. Альфа. Иота. Ро. Омикрон. Сигма...

Смысл не складывался. Не потому что она плохо знала

греческий — она знала его достаточно, чтобы читать медицинские термины и заказать кофе в Афинах. Просто написание было слишком старым, и некоторые буквы она не узнавала совсем.

Она провела пальцем по краю плиты.

Камень был неожиданно тёплым.

Странно. Здесь должно быть прохладно. Глубина, каменные стены.

Телефон мигнул — батарея. Четыре процента. Вера нажала кнопку выключения фонарика, чтобы сохранить хоть что-то. В коридоре стало очень темно — только слабый отблеск неба из-за поворота.

Она встала. Собралась уходить.

И наступила на плиту.

* * *

Ничего не произошло.

Потом — всё сразу.

Не взрыв. Не свет. Не падение. Просто — пол под левой ногой перестал быть полом. Не провалился — исчез. Будто кто-то убрал слой реальности, как убирают скатерть со стола.

Вера успела подумать одно: телефон.

Не мама, не помогите, не что это — телефон. Три года инстинктов студента-медика, которому нельзя терять оборудование.

Потом мысли кончились.

Темнота была не чёрной. Она была плотной — как вода, только не мокрой.

Вера не понимала, есть ли у неё тело. Не потому что было больно или страшно — потому что тело просто не давало о себе знать. Ни веса, ни температуры, ни сердцебиения.

Интересно, — подумала она откуда-то издалека, — вот так, наверное, чувствует себя человек под общим наркозом.

Она видела медицинский атлас. Страницу с картой кровообращения — красные артерии, синие вены, маленькие клетки, которые носят кислород туда-сюда всю жизнь, ни разу не останавливаясь, пока живут. Страница была очень чёткой. Отчётливее, чем что-либо до этого.

Потом страница исчезла.

И темнота началась по-настоящему.

Запах пришёл раньше всего остального.

Море. Но не то море, которое она знала — не крем от загара и горячий асфальт набережной и немного солярки от прогулочных катеров. Другое море. Сырое, солёное до горечи, с водорослями и рыбой и ещё чем-то — смолой, может быть, или горящим деревом.

Потом — звуки. Далёкие, неразборчивые. Голоса. Животные. Что-то металлическое.

Потом — земля.

Жёсткая, тёплая, пахнущая зеленой травой и пылью. Вера лежала на ней лицом вниз, и это было самым конкретным

ощущением за последние — сколько? Секунды? Годы?

Она открыла глаза.

Небо над ней было не вечерним. Не закатным, не сумеречным.

Оно было ночным. Чёрным, густым, полным звёзд — так, как Вера не видела никогда в жизни, потому что всю жизнь прожила там, где были городские огни.

Где я?

Подумала она. И не успела ничего решить.

Конец пролога

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Берег чужого моря

Человека, лежащего на земле без сознания, в любую эпоху принимали за одно из двух: за мёртвого или за чужого.

— Вера Соколова, внутренний монолог.

* * *

Сначала была боль в левом боку — тупая, настойчивая, такая, какая бывает, когда долго лежишь на камнях.

Потом запах. Тот же, что и в конце — смола, рыба, горящее дерево, — только теперь ближе. Реальнее.

Потом свет.

Вера открыла глаза и увидела небо. Бледно-серое, пред-рассветное, без единого облака. Звёзды уже гасли с восточного края, но над головой их было ещё достаточно — куда больше, чем она видела когда-либо. Как будто кто-то убрал городскую засветку и позволил им быть по-настоящему.

Она лежала на земле. Не в коридоре — земля была все так-же жёсткой, пахнувшей пылью и зеленой травой, а не каменными плитами. Где-то рядом плескалась вода.

Встань. Сначала встань, потом разбирайся.

Это был голос внутри, который включался автоматически на первом году медфака, когда преподаватель по неотложным состояниям объяснял: паника — это лишние секунды.

Сначала — протокол.

Она села.

Голова закружилась — не сильно, не критично. Она подождала, пока пройдёт, и осмотрелась.

Берег. Не пляж в туристическом смысле — никакого белого песка и зонтиков. Узкая полоса земли между кустарником и водой, каменистая, с пучками серо-зелёной травы. Метрах в пятидесяти — линия деревьев. Сзади, если обернуться — море. Но тёмное ещё, ночное, и огней на горизонте не было ни одного.

Огней нет. Совсем.

Она достала телефон.

Экран не загорался. Она нажала кнопку ещё раз, потом ещё. Ничего. Батарея умерла — последние четыре процента ушли когда-то там, в коридоре. Или позже. Она не знала, сколько времени прошло.

Вера сжала телефон в руке — просто чтобы держать что-то конкретное — и продолжала смотреть.

Вдали, в стороне, куда указывал берег, что-то горело. Не пожар — слишком спокойно, слишком ровно. Факелы, может быть, или костры. Их было несколько, и они стояли на одном месте, не двигались.

Деревня. Или что-то вроде деревни.

Небо на востоке начинало светлеть — не розоветь ещё, только становиться чуть менее тёмным. Рассвет был минут через двадцать.

Вера встала. Рюкзак всё ещё был на плечах — это было первое, что она проверила, — и в нём ощущался вес. Вода, зарядник, атлас. Живая.

Хорошо. Это хорошо. Это называется — живая.

Она сделала несколько шагов к воде. Намочила ладони, умылась. Вода была холодной и солёной — морской, не речной.

Потом она посмотрела на небо ещё раз. На звёзды, которые гасли с востока.

Большая Медведица была на месте. Это хорошо. Это значит — та же планета, то же полушарие. Это значит — не сошла с ума.

А всё остальное — потом.

* * *

Он появился из-за кустарника — бесшумно, как появляются люди, которые умеют двигаться по своей земле.

Мужчина лет сорока пяти, невысокий, широкоплечий, в грубой льняной рубаше и шароварах. Тёмное, в морщинах, лицо — загар не курортный, а рабочий, вдавленный в кожу годами на воде. В руке — моток верёвки. Смотрел на Веру так, как смотрят на что-то неожиданное: без страха, но с полным вниманием.

Вера замерла.

Мужчина что-то сказал.

Она не поняла ни слова. Не потому что была оглушена — она слышала хорошо. Просто язык был незнакомым. Не ту-

рецким — не тем турецким, который она учила по приложению перед поездкой, с правильными гласными и современными словами. Другим. Более гортанным, с иными ударениями.

Грек? Нет. Греческий звучит иначе. Или это всё-таки греческий?

Мужчина повторил. В его голосе не было угрозы — был вопрос. Интонация вопроса одинакова во всех языках.

Вера сказала по-русски:

— Я не понимаю. Вы говорите по-английски?

Он смотрел.

— Do you speak English?

Тишина.

— Türkçe biliyor musunuz?

Ничего. Он моргнул — один раз, медленно, — и сказал что-то короткое. Снова незнакомый язык.

Греческий. Это точно греческий. Я слышу «кси» — тако-го звука в турецком нет.

Вера сделала усилие. Греческий она знала неплохо — медицинские термины, несколько фраз из туристического разговорника, но больше почти ничего. И именно из медицинских терминов можно было достать что-нибудь живое.

— Kardia, — сказала она. — Сердце. По-гречески — kardia.

Мужчина медленно склонил голову набок.

— Pnema. — Она положила руку на грудь. — Дыхание.

Рнеута.

Что-то изменилось в его лице. Не понимание — но узнавание. Будто он услышал знакомое слово в чужой речи.

Он ответил. Медленно, как говорят с тем, кто плохо слышит или плохо соображает. Вера поняла одно слово из десяти — и это было уже что-то.

«Откуда» — спросил. Или «куда». Или «кто». Одно из трёх.

— Я не знаю, — сказала она по-русски. — Честно — не знаю.

Мужчина смотрел на неё ещё несколько секунд. Потом — и это было неожиданно — кивнул. Как будто «не знаю» было понятным ответом. Достаточным.

Он обернулся и крикнул что-то в сторону кустарника. Оттуда появился подросток лет четырнадцати — тощий, с корзиной рыбы в руках. Увидел Веру. Открыл рот. Закрыл.

Мужчина — Вера ещё не знала, что его зовут Селим, — сказал подростку несколько слов, коротко. Тот поставил корзину, достал из неё что-то завёрнутое в тряпку и протянул Вере.

Хлеб. Твёрдый, плоский, пахнувший дымом.

Вера взяла. Откусила. Прожевала.

Есть хочу. Это хорошо — значит шок не такой глубокий.

— Спасибо, — сказала она. Потом по-турецки: — Teşekkürler.

Подросток засмеялся — не обидно, просто искренне.

Мужчина что-то сказал ему — тихо, строго — и смех оборвался.

Они стояли втроем на берегу. Рассвет приходил с востока. Вера жевала хлеб и думала.

* * *

Они шли вдоль берега, потом свернули вглубь — по тропе, которую Вера не увидела бы сама.

Рюкзак она несла сама. Мужчина один раз предложил — жестом, протянув руку, — она покачала головой. Он пожал плечами и больше не предлагал.

По дороге она смотрела.

Небо светлело. Теперь можно было видеть детали.

Холмы. Невысокие, покрытые кустарником — тот же пейзаж, что и вокруг Измира, та же порода, те же растения. Это было почти успокоительно — знакомая земля, знакомое небо.

Только деревня впереди была другой.

Вера увидела её, когда они вышли на небольшой подъём — несколько десятков строений, сбившихся вместе. Глинобитные стены, плоские и низкие крыши. Ни одного современного здания. Ни столбов электричества. Ни антенн.

Это не съёмочная площадка. Площадки так не пахнут.

Деревня пахла — дымом, навозом, жареным луком, чем-то острым и смолистым. Пахла жизнью в её самом непосредственном виде — без дезодоранта и канализации.

У крайнего дома стояла женщина. Смотрела на Веру. По-

звала кого-то внутрь — дверь скрипнула, и ещё два лица появились в проёме: ребёнок и старик.

Все смотрят на меня. Хотя, может это и нормально, раз я вышла из-за холма с рыбаком на рассвете.

Мужчина провёл её мимо — не торопясь, спокойно, как ведут что-то не опасное, но требующее внимания. Несколько раз отвечал на окрики из домов. По его интонации Вера понимала: объясняет. Коротко. Без лишних слов.

Они остановились у дома в центре деревни — чуть больше остальных, с небольшим двором, огороженным низким забором.

Мужчина постучал в дверь.

Долгое молчание. Потом — шаги. Дверь открылась.

На пороге стояла женщина лет сорока — широкая, темно-волосая, с выражением человека, которого разбудили раньше времени и который об этом знает. Она посмотрела на мужчину. Потом на Веру. Потом снова на мужчину.

Между ними состоялся разговор — быстрый, на повышенных тонах с её стороны, спокойный с его. Вера поняла одно слово, которое прозвучало несколько раз: что-то похожее на «ксени» — чужая.

Ξένη. Чужестранка. Греческое слово — я его знаю. Ксенофобия — страх чужого. Одного корня.

Женщина вздохнула — тяжело, всем телом — и посторожилась.

Вера вошла.

* * *

Внутри была одна большая комната — глинобитные стены, очаг в углу, тлеющие угли, запах горелого дерева и чего-то кислого. Вдоль стен — сундуки, котлы, мешки. Земляной пол. Тростниковые циновки.

Вера огляделась.

Никакого электричества — это было очевидно. Свет давали масляные лампы, несколько штук, развешанные по стенам на крюках. Горела одна — остальные потухли. В углу спала девочка лет восьми, свернувшись под грубым одеялом.

Хорошо. Смотри. Запоминай. Это важно.

Одежда женщины: длинное платье из грубой ткани, покрывало на голове. Не современный хиджаб — другой крой, другая ткань. Вера видела такое только в музейных экспозициях и иллюстрациях к историческим книгам.

Обувь мужчины: кожаные башмаки с загнутым носком. Тоже музейные.

Стоп. Стоп. Думай.

Она замерла посреди комнаты и заставила себя считать.

Факты: она в Эфесе — или рядом с Эфесом. Море Эгейское. Холмы правильные. Это Западная Турция, почти наверняка. Но город исчез. Дороги исчезли. Электричество исчезло.

Плита была тёплой. Написано было по-архаически.

Ты думаешь о том, о чём не должна думать. Потому что это невозможно. Это. Невозможно.

Но факты были фактами.

Женщина поставила перед ней глиняную миску с какой-то кашей — просяной, похоже — и жестом указала: ешь. Вера ела. Механически, не чувствуя вкуса, продолжая думать.

Эфес. Греческое население. Грубая ткань, масляные лампы, глинобитные стены. Косвенные признаки указывают на доиндустриальную эпоху. До девятнадцатого века, это точно. Может быть, значительно раньше.

Мужчина сидел напротив. Пил что-то из глиняной кружки. Смотрел на неё — не враждебно, просто внимательно. Как смотрят на непонятную вещь, которую пока не решили, куда положить.

— Как тебя зовут? — спросила Вера по-русски. Потом попробовала вспомнить греческое слово. — *Опома?* Имя?

Мужчина поднял голову.

— Селим, — сказал он.

Турецкое имя. Или уже обращённый в ислам? Это значит — Османская империя. Это значит, что здесь уже давно не Византия.

— Вера, — сказала она, показав на себя.

— Вера, — повторил он, попробовав слово на звук. Получилось почти правильно.

Девочка в углу проснулась и уставилась на Веру огромными тёмными глазами. Вера помахала ей рукой. Девочка не ответила — только ещё сильнее натянула одеяло.

* * *

Ей дали сарай.

Не из жестокости — из осторожности. В доме ночевала семья, чужая женщина там не должна была спать. Сарай был чистым — относительно, — с охапкой соломы в углу и дырой в крыше размером с ладонь. Через дыру было видно небо.

Вера села на солому. Сняла рюкзак. Открыла.

Бутылка воды — полная, слава богу. Зарядник — бесполезен. Медицинский атлас — остался.

Она достала атлас. Просто подержала в руках.

Ты нужен будешь. Я не знаю, как, но ты нужен будешь.

Потом положила обратно и начала думать.

Первый вопрос: где она, это было почти ясно — Западная Турция, бывший регион Ионии, окрестности Эфеса.

Второй вопрос — и от него зависело всё остальное — когда.

Она стала выкладывать факты. Методично, как на зачёте по патанатомии — без паники, только факты.

Деревня — не античная. Никаких следов греко-римской архитектуры в жилых постройках. Значит, не первый-второй век. Язык Селима — греческий с турецизмами. Имя — турецкое. Это говорит об османском присутствии, то есть после 1300-х как минимум.

Одежда — не современная и не близкая к современной. Ткани грубые, крой простой. Никакого хлопка машинной выделки — всё ручное, это видно по неровному плетению.

Хорошо. Сужаем. Где-то между четырнадцатым и во-

семнадцатым веком.

Она попыталась вспомнить всё, что знала об этом регионе в этот период. История Западной Анатолии под османским управлением — это был её любимый раздел, тот, где можно было читать часами и не замечать времени.

Греческое население здесь оставалось до двадцатых годов двадцатого века — когда Грецию и Турцию разделили, и людей обменяли, как вещи. До этого — веками — греки, евреи, армяне, турки жили вместе. Порты, торговля, языки.

Смирна. Измир. Это же Смирна. Айяслук — это Эфес, буквально рядом с Измиром. Значит, Смирна в нескольких часах езды.

Смирна в разные эпохи была разной. Под венецианцами — одна. Под генуэзцами — другая. Под османами — третья.

Она вспоминала. Тянула нитки из памяти — университетские лекции, книги, одна хорошая документальная серия, которую она смотрела прошлым летом.

Сулейман.

Мысль пришла внезапно, как бывает, когда нужное слово само всплывает из глубины.

Сулейман Первый взошёл на трон в 1520 году. Его называли Великолепным. Или Кануни — Законодатель. Первый поход был на Белград — в 1521-м. Он взял Белград в августе.

Она замерла.

Сейчас апрель. Это был конец апреля — в Эфесе был апрель, когда она пошла смотреть закат.

Если она попала в начало правления Сулеймана — это 1521 год. Может быть, 1520-й. Может быть, чуть позже.

Это пятьсот лет назад. Пятьсот. Лет.

Вера легла на солому. Закрыла глаза. Открыла — потому что темнота за веками была другой, не той, к которой привыкла.

Через дыру в крыше было видно несколько звёзд. Большая Медведица там — та же, что всегда. Сто, пятьсот, тысячу лет назад — та же самая. Это было почти утешительно.

Итак. Если это 1521 год, то: Белград ещё стоит — до августа. Родос ещё не осаждён — это будет в следующем году. Сулейман молод, только что стал султаном, ему двадцать шесть лет. Константинополь уже Стамбул — давно, с 1453-го.

Она лежала и перебирала всё, что знала. Не потому что это меняло ситуацию. Просто знание успокаивало — всегда успокаивало, с детства.

Ты знаешь, где ты. Ты знаешь, когда ты. Ты живая. Это три точки опоры. На трёх точках стоит всё.

Снаружи закричал петух.

Потом второй, где-то дальше.

Потом — запах дыма, свежий, от нового огня. Деревня просыпалась.

Вера лежала и слушала звуки пятисотлетней давности. Совершенно обычные звуки — голоса, скрип дерева, чьи-то шаги по земле. Такие же, как сегодня. Как всегда.

* * *

Утром Селим пришёл к сараю.

Принёс воду для умывания — в глиняном кувшине, холодную — и несколько маслин в тряпочке. Поставил у двери. Постучал. Подождал.

Вера умылась. Съела маслины. Нашла в рюкзаке резинку для волос и убрала волосы назад.

Одежда. Джинсы и футболка — это слишком заметно. Ничего не поделать.

Селим смотрел на её одежду с профессиональным интересом человека, который много видел в портах и привык к тому, что приходящие с моря одеты странно. Потом поднял взгляд и сказал что-то.

Вера напрягла слух. Попробовала разобрать слова.

Что-то про путь. «Одос» — дорога. «Смирна» — это я знаю! Смирна — это Измир.

— Смирна? — переспросила она.

Он кивнул. Показал рукой на запад, потом на телегу во дворе — деревянную, запряжённую мулом.

Он везёт рыбу в Смирну. И предлагает взять меня с собой. Или просто говорит, что едет туда.

Вера подумала секунду. Одна в деревне, которая её не знает и не понимает, — это плохо. С человеком, который едет в большой город, — лучше. В большом городе больше языков, больше шансов найти кого-то, кто поймёт.

Иди. У тебя нет лучшего варианта.

— Да, — сказала она по-турецки. — Evet.

Он снова кивнул — коротко, деловито — и пошёл запрягать мула.

Вера надела рюкзак.

За спиной хлопнула дверь — женщина из дома смотрела ей вслед. В её взгляде была не враждебность. Что-то другое — что-то похожее на облегчение. Странная гостья уходит. Хорошо.

Я бы тоже так смотрела.

Дорога на Смирну заняла практически половину дня.

Телега скрипела. Мул шёл методично, не торопясь. Селим правил молча — изредка покрикивал на животное, иногда что-то говорил вполголоса, не обращаясь ни к кому конкретно. Вера сидела сзади, на мешках с рыбой, и смотрела по сторонам.

Она запоминала.

Дорога — не дорога в современном смысле. Разбитая грунтовая колея. По ней шли люди — пешком, верхом, с тюками и корзинами. Несколько других телег. Один раз проехали верхом трое мужчин в одинаковых одеждах — не военные, но что-то официальное. Люди при дороге склонялись.

Административные чиновники? Налоговые сборщики?

Поля. Оливковые деревья — их она узнала сразу, этот пейзаж не менялся тысячелетиями. Виноград, только-только

подернутый нежной дымкой первых листьев. Пшеница, ещё не пустившая колос — ослепительно-зелёная, она мягкими волнами перекатывалась по склонам холмов.

Деревни. Несколько деревень — похожих на первую, разного размера. В одной — мечеть с коротким минаретом, совсем новым, судя по цвету камня. Рядом — что-то, что раньше было церковью.

Переделанная церковь. Или просто брошенная. Насильственной смены тут, похоже, давно не было — всё слишком спокойно.

Люди в деревнях смотрели. Некоторые говорили что-то Селиму — он коротко отвечал. Никто не подходил к Вере вплотную.

К полудню запахло морем и чем-то ещё — кожей, специями, горячим хлебом.

Потом показался город.

* * *

Смирна открывалась медленно — сначала как облако дыма и запахов над холмами, потом как крыши, потом как стены.

Вера смотрела и не говорила ничего.

Город был живым. По-настоящему живым — не музейным, не реконструированным, а настоящим: шумным, грязным, многоголосым. Он стоял на берегу бухты, сбегал к воде узкими улицами, и запах его — смешанный, острый, неповторимый — достиг её ещё за полкилометра до ворот.

Минарет. Она увидела его первым — высокий, над всем остальным, с балкончиком для муэдзина. Потом ещё один, поменьше. Потом — купол, который мог быть мечетью или бывшей церковью.

На пристани стояли корабли. Несколько — с латинскими парусами, венецианского или генуэзского типа, она не умела различать. Один большой, с чем-то похожим на турецкий флаг — красный с полумесяцем.

Итальянские торговцы. Венеция активно торговала с Левантом в начале шестнадцатого века — это я помню. Генуэзцы тоже.

Люди у ворот говорили на нескольких языках — она слышала греческий, что-то похожее на турецкий, ещё что-то совершенно незнакомое.

Ладино? Еврейско-испанский? В Смирне была большая сефардская община — бежавшие из Испании после 1492-го. Если сейчас начало шестнадцатого века — они здесь совсем недавно.

Телега Селима въехала в ворота. Стражник у ворот — молодой, скучающий, с коротким копьем — посмотрел на Веру. Спросил что-то у Селима. Тот ответил коротко. Стражник снова посмотрел на Веру, потом в сторону, потом жестом пропустил.

Пропустил. Хорошо. Не спросил документов — у них здесь нет документов в нашем смысле. Или есть? Надо разобраться.

Улица была узкой, мощёной неровным камнем. Дома стояли вплотную — два, три этажа, нависающие верхними ярусами над прохожими. Балконы. Деревянные ставни. Кошки — несколько штук — на подоконниках и крышах.

Запах стал сильнее. Специи — что-то острое, незнакомое. Кожа — дубильный запах с той стороны. Рыба, естественно. И ещё что-то сладкое, медовое — пекарня, наверное.

Вера смотрела. Она была в Смирне. В Смирне шестнадцатого века. В живом городе, который через пятьсот лет станет Измиром — турецким, современным, с набережной и трамваем и кофейнями на каждом углу.

Этот город переживёт пожар 1922 года. Некоторые из этих зданий — нет. Некоторые люди на этой улице через несколько поколений окажутся по разные стороны границы.

Она остановила этот поток мысли.

Не сейчас. Сейчас — выжить.

Телега остановилась у небольшого дома с лавкой на первом этаже. Селим слез, привязал мула и что-то крикнул в открытую дверь.

Из двери вышел человек — не торопясь, с кружкой в руке. Пожилой, с бородой, в чистой одежде, отличавшейся от деревенской — более тонкая ткань, другой крой. Посмотрел на рыбу. Потом на Веру.

Они с Селимом переговорили. Долго, как будто о чём-то сложном. Вера поняла слово «ксени» снова — чужестранка — и ещё что-то вроде «лечить». Слово было похожим на то,

что она знала.

Iatrós. «Иатрос» — врач. Это же откуда «иатрогенный» — причинённый врачом. Он что, говорит, что я лечу?

Она выпрямилась невольно.

Человек с кружкой посмотрел на неё ещё раз — внимательнее. Что-то спросил. Она не поняла. Он повторил медленнее.

— *Iatrós?* — спросил он, указывая на неё. — Ты — иатрос?

Слово она узнала.

Врач. Он спрашивает, врач ли я.

— Да, — сказала Вера. Слово было одинаковым в достаточном количестве языков, чтобы рискнуть. — *Naí.*

Наи — по-гречески «да». Она помнила это из разговорника.

Человек с кружкой кивнул. Сказал что-то Селиму. Тот пожал плечами — коротко, как человек, выполнивший своё дело, — и начал разгружать рыбу.

Человек с кружкой обернулся к Вере и сделал жест — следуй за мной.

Куда? Зачем? Что происходит?

Она пошла за ним. Потому что стоять на улице посреди незнакомого города — хуже.

Потому что «иатрос» — это всё, что у неё пока было. Одно слово на чужом языке. Одно слово и рюкзак с медицинским атласом.

Иногда этого достаточно, чтобы начать.

* * *

*Хирург должен иметь орлиный глаз,
руки девушки и сердце льва.*

— Средневековая хирургическая поговорка

ГЛАВА ВТОРАЯ

Цена одного надреза

«Руки решают большие, чем слова»

* * *

Человека с кружкой звали Хаим.

Это она узнала уже внутри — он назвался сам, прижав ладонь к груди, с той церемонной краткостью, которая во всех культурах означает одно: я представляюсь, теперь твоя очередь. Вера тоже прижала ладонь к груди.

— Вера, — сказала она.

Он повторил на пробу, слегка исказив — «Вэра» — и кивнул, как кивают, принимая неудобное слово на хранение.

Дом был торговым: первый этаж — лавка с тюками ткани вдоль стен и весами на деревянной стойке. Второй этаж — жилой, судя по запаху готовки, который спускался сверху. Хаим жестом предложил ей сесть на низкую скамью у стены и куда-то ушёл. Вера осмотрелась.

Ткани она могла узнать только приблизительно — что-то похожее на льняное полотно, несколько рулонов более плот-

ного, с лёгким блеском. Запах в лавке был слоистым: новая ткань, деревянные полки, чуть — плесень от сырости снизу, совсем немного — чужой пот. Нормальный запах места, где работают.

Итак. Он торговец. Он знает слово «иатрос». Он привёл меня сюда с определённой целью. Сейчас он за кем-то послал или что-то готовит.

Хаим вернулся через несколько минут с другим человеком.

Этот был старше — лет пятидесяти с небольшим, невысокий, в тёмном халате с вышивкой по краю. Борода аккуратная, седая. Очки — маленькие, круглые, стеклянные, сидящие на носу на тонкой костяной переносице. Очки в 1521 году были дорогой редкостью: она знала это, потому что история оптики зачем-то входила в курс истории медицины. Значит, перед ней был состоятельный человек.

Он остановился и посмотрел на неё спокойно — так смотрят люди, которые привыкли оценивать быстро и точно. Потом сказал что-то. Не Хаиму — ей.

Другой язык. Не греческий, не турецкий — что-то третье, с испанскими ритмами. Она уловила «*médico*» — почти итальянское, почти испанское.

Ладино. Иудео-испанский. Язык сефардских евреев, бежавших из Испании в 1492-м. Он звучит как старый испанский — а я учила испанский два года в школе.

— Médico, — повторила она осторожно. — Sí.

Что-то промелькнуло в его лице — не улыбка, но её родственник. Он сказал ещё что-то — медленнее, с расстановкой, глядя на неё проверяюще.

Она поняла примерно треть. «Hijo» — сын. «Enfermo» — больной. «Médico» ещё раз. И слово, которого она не знала, но которое он произнёс с особенным весом — «gangrena».

Гангрена. Это слово одинаково во всех языках, потому что его не хочется переводить.

— Покажите, — сказала она по-русски, потому что никакого другого слова у неё не нашлось. Потом, спохватив

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.